

Ночью погода становится холоднее, и многие ларьки уже начинают закрываться. Днём, конечно же, было теплее. Теперь, когда здесь нет людей, весенний рынок полон ветра. Чувствовать такое - захватывающе.

Линь Чэньюй обмотал Цзян Сяо куском одежды, а тот снял его и отложил в сторону. Он действительно отказался ходить с ним. Было бесполезно говорить это. Цзян Сяо был бы зол на него.

Ни в коем случае, он просто хочет только помочь Цзян Сяо быстро подсчитать товары, чтобы тот смог вернуться домой пораньше и согреться.

После того, как Цзян Сяо подсчитал количество товара, он пересчитал и деньги. Он тут же вытащил пятьсот или шестьсот юаней и положил их перед Линь Чэньюем.

Сто юаней в это время были всё ещё зелёными.

«Я не могу сверить счета, ты подложил деньги?» Цзян Сяо добавил: «Не думай, что я не знаю».

Цены в ларьке Цзян Сяо не высокие, в основном здесь всё стоит несколько десятков юаней. Покупатели тщательно обдумывают покупку вещей стоимостью более пятидесяти юаней. Цзян Сяо не может запомнить каждую транзакцию в течение дня, но он всё ещё был немного впечатлён, когда достал сто юаней.

Рот Линь Чэньюя сначала был напряжён, слова Цзян Сяо были очень ясными и неопровержимыми, поэтому он признался.

Изначально Линь Чэньюй хотел подложить немного больше, но боялся, что денег будет слишком много и Цзян Сяо это легко заметит.

— В следующий раз он попытается добавить несколько мелких купюр.

Цзян Сяо попросил его забрать деньги обратно, но Линь Чэньюй отказался от этого: «Сяо Сяо, даже когда мы впервые встретились, то не заботились о деньгах, не так ли?»

Цзян Сяо хотел начать всё с нуля самостоятельно, он уже был независимым в своём возрасте. Линь Чэньюй не будет вмешиваться и полностью поддерживать его, он просто хочет дать Цзян Сяо немного денег, чтобы убедиться, что ему не будет так тяжело.

«Мои деньги изначально были твоими» Линь Чэньюй тайком подошёл, чтобы взять его за руку: «так было всегда».

Пальцы Цзян Сяо были слишком холодными, Линь Чэньюй положил ладонь на руки Цзян Сяо, чтобы согреть его. Цзян Сяо спросил: «...Так ты виновен в том, что сделал?»

Цзян Сяо действительно не мог понять перемен в отношении Линь Чэньюя. Этот человек, очевидно, не заботился о нём в предыдущей жизни, а его природа такова, что он не изменится сразу после перерождения.

Цзян Сяо уставился на него. Его глаза были яркими, как снежная ночь.

«Нет».

Линь Чэньюй сразу же отреагировал отрицательно, он серьёзно сказал: «Потому что ты мне нравишься, потому что я люблю тебя, я привык...»

Он посмотрел в глаза Цзян Сяо и не смог сказать то, что хотел. Линь Чэньюй не был виновен из-за того, что сказал, он всегда не мог найти никаких доказательств того, что любит Цзян Сяо.

Любовь никогда не бывает на словах.

Цзян Сяо засунул деньги, которые он вытащил, в карман Линь Чэньюя. Он долго молчал, потом вдруг опустил голову, улыбнулся и сказал что-то: «В прошлой жизни моя мать умерла примерно через три года».

Сердце Линь Чэньюя сжалось, его руки тоже.

«Не волнуйся, после того, как я вернулся, её здоровье стало намного лучше. Болезнь началась с сердца, не говоря уже о прокрастинации из года в год. Я забочусь о ней, и в будущем она проживёт долгую жизнь».

Цзян Сяо изменил своё душераздирающее прошлое. Он был спокоен, и в этом был намёк на радость: «В прошлой жизни я был в замешательстве, когда учился в средней и старшей школе. Моя мать спросила меня о двух вещах, прежде чем умерла. Я всегда помнил о ней в своём сердце, я не осмеливался делать всё бессмысленно».

Линь Чэньюй внимательно слушал его, он был немного взволнован. После того, как он переродился, Цзян Сяо редко что-либо говорил ему.

Он увидел, как Цзян Сяо сделал паузу на некоторое время, а затем продолжил: «Она сказала, что жизнь - это зеркало, и как люди к нему относятся, так оно и будет относиться к ним. Я жесток по отношению к другим, мне всегда приходится самому переносить трудности».

«Она знает, что у меня неплохой характер, но мне нужно его изменить. Мне не нужно быть

таким раздражительным. Независимо от того, как я буду жить в будущем, я должен искренне относиться к людям и научиться дорожить теми, кто мне нравится. Я хочу не причинять зла, учиться быть добрыми к другим. Даже если в будущем я останусь один, мне будет не так уж и плохо».

Линь Чэньюй знал, что он проделал хорошую работу.

Цзян Сяо обладает живой, искренней и чистосердечной энергией. После долгого общения с ним любой человек может похвастаться тем, что ему было комфортно в разговоре.

«Во-вторых, вещи, над которыми нужно усердно работать, должны быть твоими собственными вещами. Если ты хочешь отпустить, отпусти. Длительная боль лучше кратковременной. Не запутывайся» сказал Цзян Сяо.

Из-за Линь Чэньюя он действительно может стать параноиком.

Они с самого начала не подходили друг другу, но не хотели расставаться. В конце концов, боль длилась пятнадцать лет, но закончилась одиночеством.

Цзян Сяо поднял на него глаза: «многие люди, честно говоря, которые видят сами, что надежда не уходит от них, рано или поздно жалеют об этом».

Он отдернул руку.

«Но единственное, о чём я сожалею, так это о том, что я не понял, что люблю тебя!»

Линь Чэньюй боялся того, что он справился со своим собственным древним колодцем без волн. Если смотреть сквозь красную пыль, то волн больше не будет.

Он подавил тревогу в своём сердце и внезапно обнял человека, стоявшего перед ним.

«Сяо Сяо, с тех пор как я проснулся, я чувствовал, что просил об этом всю оставшуюся жизнь» сказал Линь Чэньюй ему на ухо: «После того, как ты ушёл, у меня было слишком много боли».

Он не знал, как описать эту болезненную, неприятную боль Цзян Сяо.

Очевидно, перед тем, как уйти, Линь Чэньюй чувствовал, что Цзян Сяо был в порядке. Но когда он вернулся, его уже не было, получается, Линь Чэньюй даже не увидел его в последний раз. Он не знал, как это произошло. Друзья Цзян Сяо отказались что-либо ему говорить. Некоторые даже намеренно препятствовали этому. Он искал Цзяна полгода, прежде чем не нашёл его могилу.

Увидеть могилу - это не облегчение, это ещё больнее.

Он начал сожалеть так, словно вырвал себе сердце и лёгкие. Без него жизнь - страдание.

Линь Чэньюй хотел бы умереть, но он чувствовал, что умереть слишком легко. Он не знал, что сказать, когда увидел свою душу. Линь Чэньюй больше не мог жить, ведь был истощён. Снова открыв глаза, он обнаружил, что переродился.

Это казалось сном, о котором он даже не мог мечтать. Линь Чэньюй должен снова встретиться с Цзян Сяо. Он почувствовал себя неловко. Через некоторое время он не чувствовал себя обиженным. «Я хочу загладить свою вину, защитить тебя, хорошо с тобой обращаться, мы... можем снова быть вместе».

Линь Чэньюй добавил тихим голосом: «Это нормально, если ты не любишь меня, но я хочу любить тебя, Сяо Сяо, в этом смысл моего перерождения». Цзян Сяо вырвался из его объятий. Сейчас он не сердится, глядя на Линь Чэньюя с жалостью в глазах.

«Мы все люди, которые однажды умерли. Боль когда-то была опытом. Я не мог ясно это видеть в своей прошлой жизни. Теперь я, наконец, живу и понимаю» вздохнул Цзян Сяо: «Просто ты всё ещё застрял в этом и не понимаешь этого».

В нескольких словах многое неясно. Цзян Сяо говорил всё спокойно и невозмутимо. Он не относился к этому так небрежно, как раньше. Он действительно хотел, чтобы тот расслабился и отпустил его.

«Линь Чэньюй, я не могу сказать, что я плохой, это моя чистая совесть. Но я этого не делал. Я вспомнил наставления моей матери. Я не могу этого сделать, а ты не можешь понять этого правильно» сказал Цзян Сяо, а затем добавил: «Ничего страшного, я на самом деле не страдал, так что бесполезно про это говорить».

Например, когда он учился в пятнадцатом классе, многим ученикам было любопытно увидеть, как он внезапно научился читать. Цзян Сяо тогда сказал всем, что если он сейчас не будет усердно работать, то пострадает через десять раз, и уже будет слишком поздно сожалеть об этом. Цзян Сяо советовал делать так же, но никто его не слушал.

Альбом с фотографиями заставил его зажечь искры в своём сердце, он действительно усердно работал.

Линь Чэньюй никогда его не слышал. Только потом он сможет по-настоящему понять это.

«Я возвращаюсь домой, не ходи за мной».

Цзян Сяо больше не хотел здесь оставаться. Перед уходом он оставил последнее предложение

для Линь Чэньюя на сегодня: «Если нет результата, делай больше ошибок».

Плохая судьба больше не станет чистой.

По дороге домой Линь Чэньюй всё ещё шёл позади, следуя за ним всю дорогу.

Цзян Сяо не любит с ним ладить. Ему всё равно, кто стоит рядом с ним, когда он занят установкой ларька, ведь легко погружается в свои дела. Угрюмый взрослый.

Сейчас он студент третьего курса, его мать здесь, у него есть одноклассники, и у него есть школьные задания, и он, наконец, вернулся к этому снова. Цзян Сяо должен быть живым и жизнерадостным. Это то, чего он заслуживает.

Вернувшись домой, Ся Ваньвань приготовила для него ужин. У него всегда не было времени нормально перекусить в ларьке. Он был голоден, когда вернулся домой.

Ся Ваньвань смотрела, как он ест вонтоны, она не могла удержаться, чтобы не коснуться волос своего сына: «Было трудно?»

В глубине души Ся Ваньвань думает, что она бесполезна, ведь у неё низкая зарплата, и она не может заработать много денег.

Цзян Сяо взглянул на неё и понял, о чём она думает.

«Мне помогают, это не тяжёлая работа» улыбнулся ей Цзян Сяо: «Тебе не нужно беспокоиться об этом. Если у тебя есть свободное время дома, просто почитай лишний часок-другой книгу, я буду чувствовать себя полегче».

Ся Ваньвань хотела получить сертификат бухгалтера. Это не так просто, но всегда хорошо иметь серьёзную цель в жизни.

Но когда Цзян Сяо упомянул, что кто-то помогает ему, это заставило её снова подумать о том мальчике.

«Он...»

Когда Ся Ваньвань открыла рот, то не знала, что сказать, в конце концов, она даже не знала имени Линь Чэньюя.

«Мама, доверься мне» Цзян Сяо прикончил миску вонтонов. Он потёр живот, улыбнулся и перевёл разговор на другую тему: «Я разберусь со всем этим сам».

<http://bllate.org/book/14428/1275624>